

Джеймс Биллингтон,

американський історик,

13-й директор Библиотеки Конгресса США (1987—2015)

Гуманитарные последствия информационной революции¹

Каковы настоящие и возможные в будущем гуманитарные последствия происходящей у нас на глазах электронно-информационной революции? Эта проблема в нынешнем потоке статей о новой кибернетической вселенной почти никогда серьезно не затрагивается. Вместо того, чтобы заниматься серьезным научным анализом и гуманистическим обсуждением нынешней ситуации, мы наблюдаем оглушительную говорильню, в которой футуристы-утописты и взвинченные противники технического прогресса одновременно спорят друг с другом, друг друга не слыша, — одна сторона предается мечтам о будущем, другая — о прошлом; и обе стороны тем временем стараются не улучшить качество своей аргументации, а перекричать друг друга.

В результате представление о гуманитарном значении компьютерной революции, которое ныне преобладает в сознании простых людей в Северной Америке и все более овладевает сознанием таковых в Западной Европе, оказывается в изрядной мере представлением экономически заинтересованных сторон: информационной индустрии, порождающей ее, коммерческих сбытовых организаций, наживающихся на ней, и растущего числа акционеров, вложивших в нее свои средства. Интернет рассматривают огульно, хотя и без большого энтузиазма, как что-то хорошее для получения чего-то хорошего, как что-то неопределенно важное для наших детей, что каким-то необычным образом приведет к сближению народов, поскольку рынок стал глобальным, а квалифицированные люди в таких странах, как Индия, Россия и Китай, по примеру Японии, готовы обзаводиться компьютерами.

Если мы действительно озабочены судьбой демократического общества, следует сразу отметить беспокоящий аспект этого консенсуса во взглядах. Не существует ни сильной приверженности народа, ни глубокой убежденности относительно того технологического феномена, который так быстро оказал преобразующее влияние на общество. Граждане демократических обществ, по-видимому, одобрили, хотя и без энтузиазма, ту беспрецедентную пропагандистскую шумиху, поднятую глобальными мега-медиа в Интернете и вне его, относительно тех благодетей, которые посыпятся, как из рога изобилия, с внедрением новой электроники. Возможно, люди пассивно согласились с желательностью того, что им было обещано как неизбежное. Но народное согласие, по крайней мере в Америке, — дело куда более временное, чем обычно полагают, поскольку оно почти целиком зависит от людей, которые продолжают верить в то, что их благополучие будет расти вместе с постоянным ростом глобальной экономики. Американские выборы ныне почти полностью сфокусированы на такой политике и на таких политиках, которые наилучшим образом обеспечат материальное благосостояние еще большему числу людей.

Поскольку чрезмерные обещания относительно компьютерной революции сделаны, имея в виду скорее вещи, чем людей, компьютерная революция может, по иронии, превратиться в конце концов в непреднамеренное орудие содействия самоубийству того самого открытого и

свободного общества, примером которого она имеет претензию себя объявлять. Демократическая свобода, пересилившая в конце XX века тоталитарную тиранию, цель которой оправдывала средства, может незаметно оказаться явлением, где средства оправдывают цель, где вещи ценятся больше людей.

Гуманитарным результатом этого будет, по всей видимости, отнюдь не закат и падение западного мира, которые столь часто предвещают, и не столь же часто предсказываемый конец света, а окончательный упадок иудейско-христианской цивилизации, и, вероятно, — если мы не сумеем преодолеть инерцию продолжающегося игнорирования ислама и инстинктивную антипатию к нему, — всего наследия профетического монотеизма. Наш насыщенный компьютерами, роботизированный мир, возможно, не заметит приближающегося конца, потому что он придет изнутри как внутреннее гниение, а не извне, как нашествие варваров, преступных государств или как неизбежное столкновение цивилизаций. Главным виновником этого рода упадка будет не Чингисхан с компьютером или какой-нибудь седовласый Фауст, сознательно заключивший сделку с чертом, а свободные от рефлексии молодые герои нашего времени, влюбленные в свои творения: наши Франкенштейны, сидящие в Кельвинах Кляйнах.

Конечно, это слишком резкое и поспешное суждение. Но такого рода словесные подзатыльники полезны для тех, кто управляет виртуальным миром, хотя бы только для того, чтобы подготовить нас, их последователей, к еще более сильным ударам, ожидающим в реальности общества, которые слишком долго молчали и соучаствовали в недопустимом высокомерии. Руководители телевидения или компьютерного дела почти не задумываются над гуманитарными аспектами, не говоря уже о филантропической деятельности, и предстоящее слияние Голливуда и Силиконовой долины в Силливуд (игра слов: "Лес дураков". — *Прим. перев.*) доставит слабое утешение. Мега-медиа стали поставщиками жизни, свободной от человеческих ценностей, в которой счастье дают вещи, а не люди, и культура, определяющаяся внешним стилем, а не содержанием. В сегодняшних печатных средствах информации неизбежно присутствуют разные стили жизни: причем один так же хорош, как другой, а третий — лучше всех. Если учесть будущую неопределенность с занятостью в мультимедийных конгломератах, где все мыслят примерно одинаково, то критик культуры, в настоящее время приверженный одному стилю, едва ли захочет слишком сурово судить о другом, под который ему самому, возможно, придется подстраиваться.

Наша неспособность сосредоточиться на гуманитарных последствиях информационного века, вызванных внедрением компьютеров, частично связана с тем, что мы всегда описываем этот новый способ коммуникации как революцию или полный разрыв с прошлым. Но на деле он — всего лишь кульминация электронного мультимедийного наступления, которое происходило в течение XX века: кинематограф, фотография, радио, телевидение, Интернет. Многие трудности Интернета проистекают

¹ Биллингтон Дж. Гуманитарные последствия информационной революции // Проблемы выбора / [редкол.: Тимофеев Т. Т. (отв. ред.) и др.]. Москва : ИНФРА-М : Весь мир, 2001. С. 119—128.

именно из того, что он до сих пор только воспроизводит негативные черты телевидения, а не развивал позитивные особенности, присущие только ему. По сути своей телевидение — порождение и слуга коммерческого сбыта, который упаковывает развлечения во все более короткие программы, подстегивая интерес и грубо напирая на секс, насилие, пассивную развлекательность. До сих пор Интернет поступал почти точно так же, либо не сумев развить присущий ему элемент интерактивности, либо упустив случай развить серьезные логические способности, необходимые в процессе поиска информации; вместо этого Интернет стал воспроизводить грубые эмоции, которыми обычно нас потчует телевидение. Если компьютерная мышь используется так же бездумно, как дистанционный контроль телевидения, нечего и ожидать, что работа в Интернете будет развивать творческие способности.

Как и телевидение, Интернет имеет тенденцию усиливать человеческую изоляцию. Посещение театра, музея или библиотеки в определенном смысле слова — социальный акт, аналогичный выходу за покупками в соседний магазин или лавку. Игра в компьютерные игры, покупки в Интернете, развлечения на этом же экране — глубоко одинокое занятие, питающее надменную иллюзию, что индивид может получить от машины все, чего пожелает, без живых человеческих посредников. Поэтому Интернет, как и телевизор, имеет тенденцию обесценивать общинное и человеческое взаимодействие как важную часть жизни и обучения.

Еще в большей степени, чем телевидение, Интернет, рассчитанный на одномоментное включение внимания, разрушает память. Информация становится текучей, факты постоянно обновляются, предыдущие тексты стираются в процессорах, а средняя жизнь сайта в Интернете — менее трех месяцев. Взрыв электронной информации имеет тенденцию подрывать временную перспективу точно так же, как недолго удерживаемая вниманием телевизионная картинка разрушает связь времен, которую дают письменные документы. В то же время быстрота и брутальность прикладных видеоигр давят на внимание и восприятие игрока еще сильнее, чем телевизионные рекламные паузы.

В некотором роде Интернет — игра, не имеющая прошлого. Она завершает долгий эволюционный процесс подрыва пуританского наследия Америки, основанного на библейской истории, которое не оставляло много места для игр. Предприниматели — гиганты компьютерного мира уже заработали так много денег, что целью их является уже не столько приумножение этого богатства, сколько увеличение своей империи и завоевание новых рынков. Даже не-акционеры вовлекаются в игру вследствие того, что средства информации предоставили телевидению и Интернету почти все, сосредоточившись на бизнесе. Классическая большая игра империализма разыгрывается по-новому, и мы не замечаем, как Интернет обгоняет телевидение в качестве нового орудия того, что можно охарактеризовать только как культурный империализм передовых рыночных демократий.

Этот империализм может быть психологически столь же разрушительным, как и империализм конца XIX — начала XX века, опиравшийся на промышленную и военную мощь. Ибо этот новый культурный империализм глубоко воздействует на две сферы, наиболее ценные большинством людей, — и особенно важные для тех, кто живет в обществах, колонизированных новой электронной культурой, — на язык и религию.

Язык — основное орудие человеческого сообщества и коммуникации. В начале XX века на нашей планете реально говорили приблизительно на 6 тыс. языках. Пройдет еще немного времени в XXI веке, и от этой цифры останется, вероятно, только одна десятая. Размывание лингвистического и культурного разнообразия осмысливается слабее, чем утрата биологических видов, но это не менее серьезный процесс. Новая глобальная аудиовизуальная рыночная культура грозит тем, что мир со все большим ускорением двинется в сторону единого "пиджин-инглиш" компьютерных программистов и авиадиспетчеров. Энтузиастов новой культуры отнюдь не огорчает этот единый язык, они часто радуются перспективе того, что прямолинейный "бейсик-инглиш" станет не только *лингва франка*, но и орудием подлинного человеческого братства. Их, похоже, мало заботит, что такое развитие не только отрежет нас от миллиардов, говорящих на других языках, но и от подлинного понимания английского литературного наследия. Итак, движение берет верх над памятью, эффективные средства становятся дегуманизирующей целью.

Еще более серьезной, чем неосознаваемая эрозия языков других народов, является угроза, которую несет эта агрессивная новая электронная культура религиозным основам других культур. Почти все преобразующие политические события конца XX века, — в том числе и те, которые были в высшей степени неожиданны для наших академических и правительственных аналитиков, — уходили корнями в религию: исламская революция в Иране; быстро следовавшие один за другим взрывы, подорвавшие европейский коммунизм, начиная с польского движения "Солидарность", опиравшегося на католицизм; подъем движения за религиозные права и последующее консервативное движение с политическим центром тяжести в Соединенных Штатах.

Ни одно из этих трех преобразующих явлений не было ни серьезно предсказано, ни — после их свершения — удовлетворительно объяснено многочисленными компьютерами западного мира. Они же мало чем помогли и в объяснении того факта, что сложная "теология освобождения" интеллектуалов не смогла зажечь пожар в Латинской Америке, в то время как простодушному пятидесятилетнему это удалось. Элитарный комплекс в Америке, включающий академических ученых, масс-медиа и институциональную элиту, ныне по сути своей антиклерикален, как это в более широком масштабе наблюдается и в Европе. По большей части не исповедующий никакой религии, профессорский корпус не в состоянии понять, что религия представляет для других народов серьезную движущую силу. Религия, конечно, изучается, но покровительственно, и скорее как этнографическое явление, а не как активная историческая сила. <...>

Признание продолжающегося воздействия религии содержится в одной из самых важных и оригинальных исторических книг последнего десятилетия — "Четвертое великое пробуждение" (The Fourth Great Awakening) Нобелевского лауреата экономиста Роберта Фогеля. Он рассматривает религию не как опиум, а как пробуждение, определенный американский феномен периодического массового возвращения к религиозным корням, как локомотив,двигающий все действительно великие перемены в развитии эгалитарной демократии в Америке. Его книга впечатляет особенно сильно, ибо он пишет не как верующий, а как ученый. В качестве составных частей нового пробуждения, которое обеспечит движение Америки вперед, он видит возвращение консервативных ценностей

традиційної родини, повага до обов'язкам, оснований на релігії, пошук не матеріального, а духовного задоволення, і перенос центра прийняття рішень із центральних і державних сфер на місця, де ці рішення будуть прийматися на основі релігії.

На конференції по приводу двохсотліття США Бібліотека Конгреса збила ряд вельмих мислителів всього світа, щоб визначити можливі нові інтелектуальні рубежі, — як вона зробила це століттям раніше, в дні Всесвітньої виставки-ярмарку в Сент-Луїсе. Головним прогнозом, оснований на бажанні знати, які несподівані соціальні зміни нас чекають, було передбачення ненасильствених, окрашених в релігійні тони рухів, виникаючих знизу, вроді руху Ганді, руху за громадянські права в Америці, руху "Солидарність" в Польщі, — а отнюдь не насильствених секуляристських революцій, які були в недавньому минулому, і не зіткнення цивілізацій, страх перед яким нині настільки широко розповсюджено.

Участь Бібліотеки Конгреса в комп'ютерному перебудованні нашого часу мило своєю метою протистояти інерції і негативним тенденціям, направленим на психологічний відірв людей від їх спільноти і їх спадщини, на загострення етнонаціональних і релігійних протиріччів, знову виниклих і посилюючихся кінцю холодної війни. Розуміється, для рішення настільки обширних проблем не існує магічних засобів, і при всьому тому, що ми являємося величайшим в світі резервуаром знань і інформації, тісно пов'язаних з першою гілкою влади супердержави, ми, тим не менше, — лише ручек, впадаючий в безбережний океан.

В 1995 г. ми звернулися до всесвітньої мережі і почали здійснювати п'ятирічний план спільного громадського і приватного партнерства для створення Національної електронної бібліотеки з вільним доступом через Інтернет, що містить 5 мільйонів найбільш цікавих і важливих джерел по американській історії і культурі. Таким чином величезний масив національних архівів передавався місцевим державним школам і бібліотекам по всій Америці. Ми заснували також ряд літніх інститутів для навчання кадрів учителів і бібліотекарів, щоб зарядити місцеві спільноти по всій Америці ентузіазмом і передати їм досвід інтеграції нових електронних версій матеріалів дослідницьких відділів бібліотек, архівів і сховищ старих книг, знайдених в місцевих бібліотеках і класних кімнатах. Ми намагаємося подолати тенденцію до людської ізоляції, яку несе комп'ютер, прагнемо внести позитивне зміст в функції класних кімнат, напісаних технікою і електронікою, хочемо виявити людський зміст в матеріалах, які ми отобрали для комп'ютера, щоб учителі і бібліотекари на місцях могли найкращим чином налаштувати людське спілкування з учнями.

Ми здійснили перші кроки по перетворенні Національної електронної бібліотеки в глобальну бібліотеку з доступом "онлайн", завдяки чому Конгрес надав спеціальний грант для створення двонаціональної, разом з Росією, системи комп'ютеризації (проект "Встреча границь"), що відображає паралельний досвід експансії Росії на Схід і Америки — на Захід. Ми підписали потенційно ще більш широке угоду з Іспанією стосовно перекладу на електронні носії потрясаючих джерел по історії Латинської Америки.

Возвращаюся до питання про можливі майбутні гуманітарні наслідки майбутнього лавиноподібного розповсюдження Інтернету. Як історик я шукаю аналогії в минулому і знаходжу їх не в часи Гутенберга, коли книгодрукування розповсюджувалося поступово і для порівняно обмеженого кола читачів, — я знаходжу їх, скоріше, в 1840-х роках: часу першої революції по створенню засобів швидкої комунікації, часу народження телеграфної мережі, швидкодрукувальних поліграфічних машин і залізничних доріг.

Головним гуманітарним результатом тоді було не покращення міжнародного взаєморозуміння, на що сподівалися наївні оптимісти, а серія швидкопливних переворотів в 1848 г. Ці революції, прокатившись по всій Європі, були повністю несподіваними і залишилися по більшій частині нез'ясованими істориками — і менше всього марксистами, які вперлися в вопіюче неправдиве твердження "Комуністического маніфеста", вийшовшого в світ як раз за два тижні до націоналістического вибуху: що, дескать, робітники об'єднуються під міжнародними знаменами, а не під національними.

Внезапне з'явлення засобів миттєвої, поверх меж, мережі потрясло Європу, яка після поразки Наполеона була, к востоку від Рейна, виключно спокійною. Настільки, що трьох імператорів Священної імперії іноді навіть зображали в вигляді трьох іпостасей Святої Трійці: католика Габсбурга, протестанта Гогенцоллерна і православного Романова. <...>

І вся ця кажущася стабільність була раптово розірвана романтичними повстаннями, які очолювали або надихали повністю непрактичні люди — поети: Ламартин во Франції, Міцкевич в Польщі, Петефі в Угорщині, Шевченко в Україні. Оперні театри, єдині місця, де офіційно дозволено збиратися більше ніж двадцять громадян, стали майданом небагато чисельних політических вбивств. Найкращим героєм 1848 г., Джузеппе Гарибальді, здійснив велику кількість театральних вступів і виходів по всій Італії, на манер героїческого тенора Верді. <...>

Отнюдь не провозвестники вольності, ці, потерпілі невдачу революції 1848 г., невольні допомогли створенню ще більш централізованих, ще більш назойливих вторгаючихся в приватне життя національних держав: Німеччини, скоріше в духу Бисмарка, ніж Гейне; Італії, скоріше в духу Кавура, ніж Гарибальді і нового типу демократического демагога в особі Наполеона III. Во всякому випадку, він був першим політическим лідером, обраним загальною голосуванням чоловічого населення, і правил широкогосподарно, підхоплюючи кожен зустрічаючийся йому ідея, але не віря ні в одну з них. Це дозволило йому панувати 20 років, і термін "імперіалізм" був винайдений для того, щоб означити його іноземні авантюри, від Криму до Мексики, затягнуті для відволікання уваги від внутрішніх справ.

Пізніше Ленін описав політический імперіалізм як "останню стадію капіталізму". Нині багато в західному світі схильні розглядати швидке розповсюдження Інтернету як останню стадію імперіалізму. Є багато ознак того, що поверхню глобалізму, підтримуваного крихітними космополітическими елітами східних країн, бурлять антизахідні страсті. Авторитарний націоналізм і субнаціональний етніческий трайбалізм знову утверджують себе, і поверхнісні зміни в Китаї і Росії супроводжуються зростанням антизахідних настроїв.

У каждого народа есть история и истории, лежащие в основе великих религий, — наиболее долговременные и фундаментальные. Библейская история — в основании собственно американской культуры. Первой книгой, изданной в американских колониях Англии, была рифмованная версия "Книги псалмов", регулярно исполняемых на пуританских богослужениях. Наш первый президент сказал в своих двух прощальных посланиях — континентальной армии, а затем нации, — что система нашего типа не выживет, если народ не будет морален, а моральность эта не выживет без религии.

Плюрализм, который в Америке исторически принял вид множественности убеждений, часто замещался у нашей элиты монизмом равнодушия. Нации, которая утратила источник молитвы и надежды, встроенный в самое свое основание, будет трудно понять, — не говоря уже о том, чтобы реагировать на это ответственными действиями, — возрождение и возрастание роли религии в исламском мире, в мире индуизма, даже в мире восточного христианства. Если мы не в состоянии прислушаться к другому народу, когда он шепчет молитвы в своих святилищах, может случиться, что мы услышим его боевые крики на поле боя.

Главное, что я хочу сказать сегодня — не верьте тому, кто обожествляет компьютер, если он не читал книг, не слушал преданий. Мы назвали наш новый веб-сайт для семей и молодых людей "Американская история". И мы начинаем работу с другими государствами, чтобы они также репрезентовали свою историю для новой глобальной интернетовской библиотеки источников с тем, чтобы часто назойливое навязывание западной информации по Интернету не рассматривалось как угроза основам тождественности незападных народов.

Более, чем когда бы то ни было прежде, библиотекари понадобятся как лоцманы объективной информации в море безграмотной болтовни, непристойных помоев и ненадежных сведений, которые все больше наводняют Интернет. Возникнет потребность, чтобы библиотеки обеспечили официальный свободный доступ для тех, кто остался лишенным возможности пользоваться электронной информацией, а также для тех, кто в противном случае никогда не научился бы работать с новой информацией и старыми книгами. Библиотеки, как и сама Америка, добавляют новое, не теряя старого.

Используемый должным образом Интернет поможет решить общие научные проблемы, которыми занимаются разбросанные по всему миру группы в таких областях, как медицина и экология. В то же время в гуманитарном плане он поможет сохранить и распространить "онлайн" первоисточники, выражающие конкретную культурную идентичность различных народов.

Среди многих применений нашей серии интернет-материалов "Американская память", доступных учителям по всей стране, одно из наиболее значимых — использование их для того, чтобы давать учащимся задания: рассказать не только о достижениях, но и о мечте — сначала американцев прошлого, а потом других

народов в других странах. Мы должны сохранить в памяти мечту, во всех ее формах, во все эпохи для того, чтобы лучше понимать мечту других сегодня.

В языке слово "мечта" упорядоченно передается как ряд последовательных историй (stories), которые все еще во многом сохраняются в книгах. Электронные технологии должны быть интегрированы в мир книг, новые технологии должны сомкнуться со старыми воспоминаниями и старыми ценностями. Но превыше всего всегда остается человек-посредник (из учителей, библиотекарей — местных хранителей мечты), который сможет направить пользователя назад, к книгам, по мере того, как у него возникают вопросы при работе с электронными материалами.

Книги есть и останутся нашими основными хранителями памяти: тревог, надежд и достижений тех, кто жил прежде. Молчаливые свидетели прошлого — часто лучшие проводники по жизни, чем нынешние говорящие головы. В наших диалогах с другими живущими людьми всегда присутствует игра — в политике, психодраме, балагане: кто быстрее выскажется. И только наедине с книгой единственный предел — наше собственное воображение. Нас не ограничивают кем-то нарисованная картина или экран телевизора, наши мысли не спугнет звук аудиоколонки.

Книги убеждают, а не принуждают. Библиотеки — храмы плюрализма. Книги, не согласные друг с другом, мирно уживаются на полках так же, как радикальные оппоненты мирно сидят рядом в читальнях. Преследование истины удерживает нас от преследования друг друга.

Книги — острова связности, соединяющие вещи во едино. Каждая книга — продукт нашего собрата-человека, который имеет нечто общее с нами, и в то же время — отражение уникальности другой личности, писавшей в другое время, в другом месте, при других обстоятельствах. В отличие от учителя, который объясняет, или библиотекаря, который классифицирует, сама книга не дает окончательного ответа. Она только помогает поставить вопрос более правильно. Она манит нас к мастерству и тайне. Она бросает вызов читателю: одновременно полнее освоить материю, о которой идет речь, чтобы понять созданное, и в то же время почувствовать нечто, касающееся тайны творчества, а в конечном счете — само творчество.

Удивляться и молчать легче хранителям мечты, чем имиджмейкерам. Домашняя или публичная библиотека уносят нас из нашего шумного, суетливого, поглощенного злобой дня мира в поэтический мир Китса, мир "покоя и медленного времени". Культура книги помогает активным умам преодолеть зрительскую пассивность, соединяет предметы, а не разрывает их на части.

Ибо, каким бы сильным ни было смятение в наших умах, как бы не захлестывала нас электронная информация, все же существует книга, в которой все объединяется, — подобно тому, как человеческое сознание объединяет левое и правое полушария мозга, подобно тому, как объединяет Восточное и Западное, Северное и Южное полушария наша единственная хрупкая планета.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 21783-11683ПР від 31.12.2015.

Формат 60x84¹/₈. Ум. друк. арк. 6,05. Тираж 238 пр. Зам. 69.

Журнал надруковано на обладнанні Книжкової палати України

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1954 від 24.09.2004.

До уваги читачів: електронний варіант журналу "Вісник Книжкової палати" ISSN 2076-9555 (онлайн-версія) розміщено на сайті Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського в розділі "Наукова періодика України":

http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/VKP/index.html